

Francis Scott
FITZGERALD
1896 – 1940

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

*Загадочная история
Бенджамина Баттона*

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф 66

Перевод с английского
Ирины Архангельской, Владимира Бабкова,
Сильвии Белокриницкой, Ларисы Беспаловой,
Инны Бернштейн, Михаила Загота, Татьяны Ивановой,
Елены Калявиной, Марии Кан, Андрея Кистяковского,
Майи Кореновой, Владимира Муравьева, Татьяны Озерской,
Елены Петровой, Владимира Харитоновой,
Виктора Хинкиса, Арама Яврумяна

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

© И. П. Архангельская (наследник), перевод, 2020	© А. А. Кистяковский (наследник), перевод, 2020
© В. О. Бабков, перевод, 2013	© М. М. Коренева, перевод, 2020
© С. С. Белокриницкая (наследник), перевод, 2020	© В. С. Муравьев (наследник), перевод, 2020
© Л. Г. Беспалова, перевод, 2020	© Т. А. Озерская (наследник), перевод, 2020
© И. М. Бернштейн (наследник), перевод, 2020	© Е. С. Петрова, перевод, 2018
© М. А. Загот, перевод, 2020	© В. А. Харитонов (наследники), перевод, 2020
© Т. В. Иванова (наследник), перевод, 2020	© В. А. Хинкис (наследник), перевод, 2020
© Е. Ю. Калявина, перевод, 2020	© А. Э. Яврумян, перевод, 2018
© М. И. Кан (наследник), перевод, 2020	© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18781-8

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ БЕНДЖАМИНА БАТТОНА

1

В далеком тысяча восемьсот шестидесятом году родиться дома не считалось зазорным. Нынче-то мне известен вердикт верховных жрецов от медицины: свой первый крик новорожденный должен издавать в благоухающем анестетиками воздухе больницы, предпочтительно самой модной. Стало быть, молодые мистер и миссис Роджер Баттон лет на пятьдесят опередили прогресс, разрешив в один прекрасный летний день тысяча восемьсот шестидесятого года своему первенцу родиться в клинике. Имел ли сей анахронизм какое-либо отношение к поразительной истории, которую я собираюсь поведать, доподлинно неизвестно.

Я расскажу вам, что случилось, а вы уж судите сами.

Баттоны занимали завидное положение — как общественное, так и финансовое — в довоенном Балтиморе. Оба являлись отпрысками Тех Самых Семейств и входили в непомерно широкий круг представителей южной аристократии, расплодившихся в штатах Конфедерации. Это был их первый опыт приобщения к очаровательному старинному обычаю деторождения, так что мистер Баттон нервничал не на шутку. Он очень надеялся, что это будет мальчик, которого он пошлет учиться в Йельский университет, что в Коннектикуте. Сам мистер Баттон четыре года провел в вышеупомя-

нутом учебном заведении, где был известен под весьма предсказуемым прозвищем Батон.

В то сентябрьское утро, когда должно было свершиться грандиозное событие, он встревоженно пробудился в шесть часов, оделся, поправил безукоризненный узел на галстук и устремился по улицам Балтимора в сторону больницы, дабы узнать, разрешилась ли ночная мгла новой жизнью.

Находясь приблизительно в ста ярдах от Мэрилендской частной клиники для леди и джентльменов, он увидел своего семейного врача доктора Кина, который спускался по главной лестнице и потирал руки, словно бы умывая их, как рекомендуют всем врачам неписанные правила профессиональной этики.

Мистер Роджер Баттон, почтенный президент компании по оптовой торговле скобяными изделиями «Роджер Баттон и К^о», пустился бегом навстречу доктору Кину с куда меньшей почтенностью, чем можно было бы ожидать от джентльмена-южанина той живописной эпохи.

— Доктор Кин! — взывал он. — О доктор Кин!

Заслышав его зов, доктор огляделся и остановился в ожидании. Когда мистер Баттон подбежал к нему, на суровом лице эскулапа появилось необычное выражение.

— Что случилось? — набросился на него мистер Баттон, не успев отдышаться. — Что такое? Как она? Это мальчик? Или кто? Или что?..

— Не мелите чепухи! — оборвал его доктор Кин. Он казался слегка раздосадованным.

— Дитя родилось? — взмолился мистер Баттон.

Доктор Кин нахмурился.

— Ну да, полагаю... в известной степени. — Он снова бросил странный взгляд на мистера Баттона.

— Моя жена здорова?

— Да.

— Мальчик или девочка?

— Прошу вас! — вскричал доктор Кин в пылу совершенного гнева. — Немедленно ступайте, и сами все увидите. Черт-те что! — Последнее доктор рывкнул чуть ли не одним словом, а затем отвернулся и пробормотал: — Вы представляете себе, как подобное может повлиять на мою профессиональную репутацию? Случись такое еще раз — и я уничтожен, да и любой другой на моем месте.

— В чем дело? — в ужасе спросил мистер Баттон. — Тройня?

— Нет, не тройня! — отрезал доктор. — Хотите знать больше — ступайте и убедитесь сами. И позовите другого врача. Я помог вам появиться на свет, юноша, и сорок лет был вашим семейным доктором, но с меня довольно! Не желаю больше видеть ни вас, ни кого-либо из ваших родственников! Всех благ!

Он стремительно развернулся, молча вскочил в свой фаэтон, ожидавший на стоянке, и, пылая негодованием, умчался прочь.

Мистер Баттон ошолбенело застыл на дорожке, дрожа с головы до пят. Что за ужасное несчастье его постигло? Внезапно он утратил всякое желание заходить в Мэрилендскую частную клинику для леди и джентльменов — и лишь ценой громадного напряжения воли минуту спустя он все-таки заставил себя подняться по лестнице, ведущей к парадной двери, и переступить порог.

За столом в матовом сумраке коридора сидела медсестра.

Проглотив стыд, мистер Баттон приблизился к столу.

— Доброе утро, — сказала медсестра, приветливо глядя на него.

— Доброе утро. Я... я мистер Баттон.

Выражение крайнего ужаса исказило девичье лицо. Она встала и, казалось, уже готова была сорваться и упорхнуть из коридора, но сдерживала себя с явным трудом.

— Я хочу видеть свое дитя, — сказал мистер Баттон.

У медсестры вырвался негромкий вскрик.

— Не... непременно! Наверх! — истерически взвизгнула она. — Прямо наверху! Идите... вверх!

Мистер Баттон повернулся на ватных ногах и, обливаясь ледяным потом, пошел в указанном медсестрой направлении — на второй этаж. В коридоре на втором этаже он обратился к другой медсестре, которая шла ему навстречу с тазиком в руке.

— Я м-мистер Баттон, — выдавил он. — Я хочу видеть свое...

«Бэммс!» — тазик брякнулся на пол и покатился к лестнице. «Бэммс! Бэммс!» — начал он методично отсчитывать ступени, словно разделяя всеобщий ужас, который вызывал этот господин.

— Я хочу видеть своего ребенка! — чуть ли не заверещал мистер Баттон, будучи уже на грани обморока.

«Бэммс!» — тазик достиг первого этажа. Медсестра обрела самообладание и бросила на мистера Баттона взгляд, исполненный неподдельного презрения.

— Хорошо. Мистер. Баттон, — сказала она, понизив голос. — Очень. Хорошо! Но если бы вы только знали, в каком состоянии мы из-за всего этого с самого утра! Это совершенно чудовищно! Больница никогда не обретет и тени прежней репутации после...

— Скорее! — прохрипел он. — Я этого не вынесу!

— Тогда пройдемте сюда, мистер Баттон.

Он потащился следом за медсестрой. В самом конце длинного коридора находилась просторная комната, из которой доносились разнообразные крики и стенания — ныне, на современном языке, это помещение

несомненно именовалось бы «комнатой плача». Они вошли туда.

— Ну, — выдохнул мистер Баттон, — который тут мой?

— Вон тот! — сказала медсестра.

Мистер Баттон проследил глазами за ее указующим перстом и увидел вот что: в одной из колыбелей, втиснутый в нее лишь частично, сидел завернутый в обширное белое одеяльце старик лет этак семидесяти на вид. Его редкие волосы были почти белыми, а из подбородка произрастала жидкая дымчатая бороденка, весело трепетавшая под дуновением ветра из окна. Старик поднял на мистера Баттона тусклые бесцветные глаза, в которых таились недоумение и невысказанный вопрос.

— Я что, по-вашему, с ума сошел? — прогремел мистер Баттон, страх которого разрешился яростью. — Это какая-то чудовищная больничная шутка?

— Нам это вовсе не кажется шуткой, — сурово ответила медсестра. — Я не знаю, сошли вы с ума или нет, но это совершенно точно ваш ребенок.

Холодный пот повторно оросил чело мистера Баттона. Он закрыл глаза, потом открыл их и снова взглянул на колыбель. Нет, это не ошибка — он смотрел на семидесятилетнего человека, на семидесятилетнее дитя, дитя, ноги которого свисали через край колыбельки, в которую его запихнули.

Старый младенец окинул вошедших безмятежным взором, а затем внезапно заговорил надтреснутым старческим голосом.

— Вы, что ли, мой отец? — строго спросил он.

Мистер Баттон и медсестра дружно содрогнулись, а старик тем временем продолжил ворчливо:

— Потому что если это так, то я желаю, чтобы вы забрали меня из этого кошмарного места. Или хотя бы пусть дадут мне удобное кресло-качалку.

— Откуда ты взялся, бога ради? Кто ты такой? — в отчаянии вскричал мистер Баттон.

— Не могу *определенно* сказать, кто я такой, — ворчливо занял в ответ старик, — поскольку я родился всего несколько часов назад, но фамилия моя несомненно Баттон.

— Ты лжешь! Самозванец — вот ты кто!

Старик устало повернулся к медсестре.

— Вот так радушно он встречает свое новорожденное дитя, милочка, — пожаловался он тонким голосом. — Скажите же ему, что он не прав, чего вы молчите?

— Вы не правы, мистер Баттон, — строго произнесла медсестра. — Это ваш ребенок, и вы должны заботиться о нем. Мы попросили бы вас сегодня же забрать его домой, и как можно скорее.

— Домой? — переспросил мистер Баттон, не веря своим ушам.

— Да, мы не можем держать его здесь. В самом деле не можем, понимаете?

— Я и сам рад убраться отсюда, — жалобно занял старикашка. — Это прекрасное место для малышей с неприхотливыми вкусами. От этих воплей и визгов я глаз не мог сомкнуть. А когда я попросил поесть, — тут его голос задрожал, в нем появились пронзительные нотки возмущения, — мне принесли бутылочку молока!

Мистер Баттон рухнул на стул у кровати сына и спрятал лицо в ладонях.

— Господи! — пробормотал он исступленно. — Что скажут люди? Что мне делать?

— Вы должны забрать его домой, — настоятельно повторила медсестра. — И немедленно!

Перед глазами несчастного страдальца сама собой с ужасающей ясностью нарисовалась гротескная картинка: вот он идет по людным городским улицам, а рядом вышагивает это отвратительное наваждение.

— Я не могу. Не могу! — простонал он.

Люди будут останавливаться, заговаривать с ним, и что он им скажет? Ему придется представить это... семидесятилетнее исчадие: «Знакомьтесь, мой сын, он родился нынче утром».

А после старикашка запахнется в одеяло, и они побредут своей дорогой мимо многолюдных лавок, мимо невольничьего рынка — на какое-то мрачное мгновение мистер Баттон горько пожалел, что сын его не родился чернокожим, — мимо роскошных домов жилого квартала, мимо богадельни...

— Довольно! Возьмите же себя в руки, — велела ему медсестра.

— Тут вот какое дело, — внезапно объявил старик. — Если вы думаете, что я пойду домой в этом одеяле, то глубоко ошибаетесь.

— Младенцев всегда заворачивают в одеяльце.

Злобно крикнув, старикашка помахал в воздухе белым подгузником.

— Смотрите! — произнес он дрожащим голосом. — Они приготовили для меня *вот это!*

— Все младенцы носят это, — чопорно возразила медсестра.

— Что ж, — сказал старикашка, — в ближайшие две минуты этот младенец останется в чем мать родила. Одеяло ваше кусачее. Дали бы хоть простынку.

— Прикройся! Прикройся немедленно! — поспешно велел ему мистер Баттон и повернулся к медсестре. — Что мне делать?

— Ступайте в город и купите сыну какую-нибудь одежду.

В коридоре мистера Баттона настиг скрипучий голос сына:

— И трость, папенька! Я хочу себе тросточку!

Мистер Баттон с яростью захлопнул за собой входную дверь...

— Доброе утро, — нервно сказал мистер Баттон продавцу Чесапикской галантерейной компании. — Я хотел бы купить одежду для моего ребенка.

— А какого возраста дитя, сэр?

— Около шести часов, — ответил мистер Баттон, не раздумывая.

— Отдел для новорожденных в тыльной части здания.

— Но... я не думаю, что... Я не уверен, что мне нужен именно тот отдел. Оно... он необычайно крупный младенец. Исключительно... эм... крупный.

— Там и для крупных найдется.

— А где у вас отдел для мальчиков? — спросил мистер Баттон, в отчаянии переминаясь с ноги на ногу. Ему казалось, продавец вот-вот учует его постыдную тайну.

— Прямо здесь.

— Что ж...

Его снедали сомнения. Мысль о том, чтобы нарядить сына в мужскую одежду, была ему невыносима. Вот если бы, скажем, найти достаточно большую одежду для мальчика, то можно было бы обстричь ему эту жуткую длинную бороду и выкрасить белые волосы в каштановый цвет, скрыв таким образом наихудшее и тем самым вернув толику самоуважения... о положении в обществе Балтимора, увы, не могло быть и речи.

Но лихорадочная инспекция отдела для мальчиков не выявила ни одного костюма, который пришелся бы впору новорожденному Баттону.

Конечно же, виноват был магазин — в таких случаях самое милое дело обвинять магазины.

— Какой возраст, вы говорите, у вашего мальчика? — с любопытством уточнил продавец.

— Ему шесть...надцать.

— О, прошу прощения. Я подумал, вы сказали «шесть часов». Отдел для юношей вы найдете в следующем ряду.

Несчастный мистер Баттон повернулся, чтобы уйти. А затем замер, просияв, и указал на манекен в витрине.

— Вот он! — воскликнул мистер Баттон. — Я возьму тот костюм, что на манекене.

Продавец остолбенел.

— Но это совсем не детский костюмчик, — возразил он. — Ну, то есть это конечно, *костюм младенца*, но только он для карнавала. Вы и сами могли бы его надеть!

— Заверните, — настаивал нервный покупатель. — Я хочу именно этот костюм.

Потрясенный продавец повиновался.

Вернувшись в клинику, мистер Баттон вошел в палату для новорожденных и чуть ли не швырнул сверток в своего сына.

— Вот. Одевайся, — рявкнул он.

Старик развернул пакет и недоуменно осмотрел содержимое.

— Какая-то несуразная одежда, как по мне, — посетовал он. — Не хочу, чтобы из меня делали посмешище...

— Ты сделал посмешище из меня! — вспыхнул мистер Баттон. — Подумаешь, смешно он выглядит! Надевай... или я... или я тебя *отилепаяю*!

Он с трудом проглотил послевкусие последнего слова, чувствуя, однако, что именно так и следовало сказать.

— Хорошо, папа. — Это была забавная имитация сыновнего уважения. — Вы старше. Вам лучше знать. Как скажете.

И снова звучание слова «папа» заставило мистера Баттона мучительно содрогнуться.

- Да поторопись.
- Я тороплюсь, папа.

Когда сын оделся, мистер Баттон оглядел его с тоской. Костюм состоял из носков в горошек, розовых штанишек и подпоясанной блузы с широким белым слюнявчиком спереди. Поверх последнего почти до самого пояса струилась длинная белесая борода. Смотрелось все это нехорошо.

- Погоди-ка!

Мистер Баттон схватил больничные ножницы и в три быстрых щелчка ампутировал большую часть бороды.

Но и после этой манипуляции общее впечатление осталось далеким от совершенства. Оставшиеся при хозяине редкий ежик волос, слезящиеся глаза и древние зубы причудливо диссонировали с нарядным костюмчиком. Однако мистер Баттон был неумолим. Он протянул руку.

- Идем! — велел он строго.

Сын доверчиво взял отца за руку.

— А как вы будете меня называть, папенька? — проблеял он дрожащим голосом, когда они выходили из палаты для новорожденных. — Просто «дитя»? Пока не придумаете имя получше?

Мистер Баттон поперхнулся.

— Не знаю, — отрезал он. — Пожалуй, мы будем звать тебя Мафусаилом.

3

Даже после того, как пополнению семейства Баттон остригли волосы и окрасили их в радикально-черный, на редкость ненатуральный цвет, когда его выбрили чуть ли не до блеска и нарядили в детский костюмчик, сшитый на заказ ошарашенным портным,

Баттон просто не мог игнорировать тот факт, что его сын — жалкое подобие настоящего первенца в семье. Несмотря на старческую сутулость, Бенджамин Баттон — именно такое имя ему дали вместо куда более подходящего, но слишком уж вопиющего Мафусаила — был ростом пять футов восемь дюймов. Одежда была не в силах это замаскировать, как не могли стрижка и покраска бровей скрыть тот факт, что глаза под этими бровями были тусклыми, водянистыми и усталыми. Надо сказать, что заблаговременно нанятая няня покинула дом в состоянии крайнего возмущения, едва взглянув на предполагаемого подопечного.

Но мистер Баттон не сворачивал с избранного курса. Бенджамин был ребенком, и ему надлежит оставаться ребенком. Поначалу он заявил, что, если Бенджамину не нравится теплое молоко, он может вообще обходиться без еды, но в конце концов смиловился и позволил сыну хлеб с маслом и даже овсянку в качестве компромисса. Однажды он принес домой погремушку, вручил ее Бенджамину и в недвусмысленных выражениях потребовал, чтобы тот «игрался с ней», после чего старик взял ее с усталой миной, и весь день время от времени по дому разносилось послушное позвякивание.

Впрочем, не было никаких сомнений, что погремушка ему наскучила и, оставаясь в одиночестве, он находил себе другие, более отрадные развлечения. Как-то раз, например, мистер Баттон обнаружил, что за прошедшую неделю выкурил гораздо больше сигар, чем когда-либо прежде. Феномен сей объяснился несколько дней спустя, когда, неожиданно войдя в детскую, отец увидел, что комната полна сизого дыма, а Бенджамин с виноватым видом пытается спрятать окурок темной «гаваны». Тут, разумеется, требовалась жесткая порка, но оказалось, что мистер Баттон не в силах

заставить себя осуществить оную. Отец ограничился предупреждением, что, дескать, «курение замедляет умственное развитие».

Но все-таки он продолжил гнуть свою линию. Он приносил домой оловянных солдатиков, игрушечные паровозики, приносил больших и милых тряпичных зверюшек, набитых ватой, и, чтобы довести до совершенства создаваемую им — по крайней мере, для самого себя — иллюзию, страстно допытывался у продавца в магазине игрушек, «не потечет ли краска с розового утенка, если ребенок возьмет его в рот». Но вопреки всем отцовским усилиям Бенджамин не желал интересоваться игрушками. Он украдкой спускался по черной лестнице и возвращался в детскую с очередным томом Британской энциклопедии, над которым и корпел всю вторую половину дня, а тем временем набитые ватой коровки и крошечный Ноев ковчег валялись позабытые на полу. Ввиду такого упорства все усилия мистера Баттона были тщетны.

Поначалу шумиха, поднявшаяся в Балтиморе, была просто чудовищной. Во что обошлось бы это несчастье Баттонам и всей их родне, определить невозможно, поскольку грянула Гражданская война и внимание города отвлекли совершенно другие события и явления.

Те немногие люди, которые были неизменно учтивы, сломали головы, чем бы потрафить бедным родителям, и в конце концов изобрели хитроумный комплимент, заявив, что ребенок похож на своего деда. Сей факт, учитывая общее состояние упадка, свойственное всем мужчинам семидесяти лет, трудно было оспорить. Мистер и миссис Баттон не слишком обрадовались, а дедушка Бенджамина оскорбился до крайности.

Бенджамин, едва выйдя из клиники, принял жизнь такой, какой она была. К нему приводили поиграть

маленьких мальчиков, и он до боли в суставах пытался пробудить в себе интерес к лазанью на горку и мраморным шарикам. Ему даже удалось ненароком разбить окно в кухне камнем из рогатки, и отец его получил от этого тайное наслаждение.

С тех пор Бенджамин ежедневно ухитрялся что-нибудь разбить или сломать, но только потому, что от него ждали шалостей, а он по натуре своей был услужлив.

Когда улеглось первоначальное предубеждение его деда, они с Бенджамином стали получать громадное удовольствие в обществе друг друга. Они могли часами просиживать, эти двое, столь далекие по возрасту и жизненному опыту, и, словно старые приятели, с неустанной монотонностью обсуждать неспешные события дня. Бенджамин куда свободнее чувствовал себя рядом с дедом, нежели в присутствии родителей, — те, похоже, всегда испытывали по отношению к нему благоговейный трепет и, несмотря на авторитарную власть над ним, частенько обращались к нему «мистер».

Как и все, он был обескуражен преклонным возрастом своего разума и тела при рождении. Он проштудировал медицинский журнал, но не нашел ни единого подобного случая, зафиксированного прежде. По настоянию своего родителя он честно пытался играть с другими мальчиками, но старался выбирать игры побезопаснее. Футбол слишком ошеломлял его, и он боялся, что в случае перелома его древние кости не захотят расстаться.

В пять лет Бенджамина отправили в детский сад, где его стали приобщать к искусству наклеивания зеленой бумаги на оранжевую, плетения цветных бумажных ковриков и изготовления вечных картонных бус. Он имел склонность задремывать посреди этих увлекательных занятий, чем одновременно раздражал

и пугал молодую воспитательницу. К великому его облегчению, та пожаловалась родителям, и они забрали его из детского сада. Другам Роджер Баттон объяснил, что его сын еще слишком мал.

К двенадцати годам родители уже совершенно к нему притерпелись. Сила привычки оказалась настолько велика, что они больше не видели в нем никаких отличий от всех прочих детей, разве что какая-нибудь курьезная аномалия внезапно напоминала им об этом. Но однажды, несколько недель спустя после его двенадцатого дня рождения, Бенджамин, разглядывая себя в зеркало, сделал, или это ему только показалось, что он сделал, поразительное открытие. Это глаза его подводят или на самом деле за двенадцать лет жизни волосы на голове из белоснежных стали серебристо-серыми под маскирующей седину краской? И правда ли, что сетка морщин на лице становилась все менее явственной? И кожа стала более здоровой и упругой и даже обрела некое подобие морозного румянца? Он не знал ответов. Он только чувствовал, что больше не сутулится и что его физическое состояние улучшилось по сравнению с первыми днями жизни.

«А может ли быть так, что...» — подумал он, или, точнее, едва осмелился подумать.

Он обратился к отцу.

— Я уже взрослый, — решительно объявил он, — и хочу носить длинные штаны.

Отец заколебался.

— Ну, — сказал он наконец, — я даже не знаю. Длинные штаны обычно начинают надевать в четырнадцать лет, а тебе только двенадцать.

— Но вы должны признать, — возразил Бенджамин, — что для своего возраста я слишком высок.

Отец поглядел на него с притворной задумчивостью.

— О, я не уверен, — сказал он. — В двенадцать лет я был таким же рослым, как ты.

Эта ложь была частью соглашения Роджера Баттона, заключенного им с самим собой, дабы уверовать в «нормальность» своего сына.

Наконец они достигли компромисса. Бенджамин должен был продолжать красить волосы. И еще стараться побольше играть с мальчишками своего возраста. На улице он не должен был носить очки и пользоваться тростью. А взамен получил свой первый костюм с длинными брюками...

4

Мне почти нечего рассказать о жизни Бенджамина Баттона между двенадцатью и двадцатью одним годом. Довольно лишь отметить, что это были годы естественного омоложения. В восемнадцать лет Бенджамин обрел стать пятидесятилетнего мужчины, густую, темную с проседью шевелюру и твердый шаг. Голос утратил старческий надлом и дрожание, понизившись до здорового баритона. Поэтому отец отправил его в Коннектикут — сдавать экзамен для поступления в Йельский университет. Экзамен был пройден успешно, и Бенджамин влился в ряды первокурсников.

На третий день после зачисления он получил записку, что ему надлежит явиться в кабинет секретаря колледжа мистера Харта и составить расписание. Взглянув в зеркало, Бенджамин решил, что волосам не помешает освежить темно-коричневый тон, однако тревожный осмотр ящика бюро показал: флакона с краской там нет. А потом он вспомнил, что опустошил его еще позавчера и выбросил.

Возникла дилемма. Он обязан был явиться к секретарю через пять минут. Похоже, делать нечего — придется идти как есть. Так он и сделал.

— Доброе утро, — учтиво приветствовал его секретарь. — Вы приехали справиться о своем сыне.

— Ну, видите ли, моя фамилия Баттон... — начал Бенджамин, но мистер Харт его перебил:

— Рад познакомиться, мистер Баттон. Я ожидаю вашего сына с минуты на минуту.

— Это я и есть! — взорвался Бенджамин. — Я и есть первокурсник Баттон.

— Что?

— Я первокурсник.

— Вы, несомненно, шутите.

— Нимало.

Секретарь нахмурился и заглянул в карточку, лежащую перед ним на столе.

— Что ж, здесь у меня указано, что мистеру Бенджамину Баттону восемнадцать лет.

— Это мой возраст, — заявил Бенджамин, слегка краснея.

Секретарь смерил его долгим усталым взглядом.

— Право слово, мистер Баттон, вы же не думаете, что я в самом деле поверю в это.

Бенджамин бессильно улыбнулся.

— Мне восемнадцать, — повторил он.

Секретарь строго указал ему на дверь.

— Убирайтесь! — велел он. — Вон из колледжа, вон из города. Вы опасный безумец.

— Мне восемнадцать.

Мистер Харт распахнул дверь.

— Чего вздумали! — заорал он. — Человеку ваших лет прикидываться первокурсником. Восемнадцать вам, говорите? Что ж, даю вам восемнадцать минут, чтобы убраться из города.

Бенджамин Баттон с достоинством покинул кабинет, провожаемый изумленными взглядами полудюжины студентов, ожидавших в коридоре. Сделав несколько шагов, он обернулся, посмотрел прямо в лицо

разъяренному секретарю и повторил твердо и отчетливо:

— Мне восемнадцать лет.

Под хор смешков, раздавшихся в группе студентов, Бенджамин ушел.

Но ему не повезло отделаться так дешево. Оказалось, что, пока он в меланхолии брел в сторону железнодорожной станции, за ним увязалась сперва группа, потом рой, а затем и плотная толпа студентов старших курсов. Слух о безумце, который сдал вступительный экзамен и решил проникнуть в Йель, прикинувшись восемнадцатилетним, разлетелся повсюду. Весь колледж пришел в лихорадочное возбуждение. Студенты и преподаватели выбегали из классов с непокрытыми головами, футбольная команда бросила тренировку и влилась в толпу, профессорские жены в криво завязанных чепцах и сбившихся набок турнюрах с криками бежали следом за процессией, которая то и дело разражалась едкими замечаниями, нацеленными в нежную чувствительность Бенджамина Баттона.

— Наверное, он и есть Вечный Жид!

— Да в его-то годы ему надо в подготовительную школу!

— Поглядите на этого вундеркинда!

— Он решил, что здесь дом призрения!

— Проваливай в Гарвард!

Бенджамин прибавил шаг и вскоре пустился бегом. Он покажет им! Он *пойдет* в Гарвард, и тогда они пожалеют о своих необдуманных насмешках!

Оказавшись в безопасности в вагоне поезда на Балтимор, он высунулся из окна и крикнул:

— Вы еще пожалеете об этом!

— Ха-ха! — смеялись ему вслед студенты. — Ха-ха-ха!

И это была самая большая ошибка Йельского университета за всю его историю...

В тысяча восемьсот восьмидесятом году Бенджамину Баттону исполнилось двадцать, и он отметил свой день рождения, поступив на службу в отцовскую компанию оптовой торговли скобяными изделиями «Роджер Баттон и К°». В тот же год он начал «вращаться» — а именно, отец настоял на том, чтобы брать его с собой на всяческие модные балы. Роджеру Баттону к тому времени было уже пятьдесят, и они с сыном сближались все больше и больше — на самом деле, поскольку Бенджамин перестал красить волосы (в которых по-прежнему серебрилась седина), они выглядели почти ровесниками и могли бы сойти за братьев.

Однажды августовским вечером, нарядившись в парадные костюмы, они сели в фаэтон и отправились на бал в загородное имение Шевлинов, расположенное неподалеку от Балтимора. Вечер выдался роскошный. Полная луна окрасила дорогу в приглушенный оттенок платины, а поздние летние цветы выдыхали в неподвижный воздух густые ароматы, подобные тембристому, негромкому смеху.

Поля по краям дороги, усталые коврами яркой пшеницы, были прозрачны и светлы, будто днем. И было почти невозможно не восхититься безыскусной красотой неба — *почти* невозможно.

— У скобяной мануфактуры большое будущее, — сказал Роджер Баттон. Возвышенность была ему чужда — его эстетические чувства находились в рудиментарном состоянии. — Такого старика, как я, не обучишь новым трюкам, — заметил он глубокомысленно. — Это вас, молодых, энергичных и полных жизненной силы ждет великое будущее.

Далеко впереди у дороги показались огни загородного дома Шевлинов и послышался какой-то взды-

хающий звук, неуклонно приближавшийся к ним, — то ли тихая жалоба скрипок, то ли шелест серебряных колосьев под луной.

Они подъехали следом за красивым одноконным экипажем, пассажиры которого высаживались у парадной двери. Сначала сошла дама, следом пожилой джентльмен, затем еще одна дама — молодая и прекрасная. Бенджамин вздрогнул, — казалось, некая химическая реакция разъединила и скомпоновала заново мельчайшие частицы, составляющие его тело. Его охватило оцепенение, кровь прилила к щекам, ко лбу, а в ушах что-то ритмично забúхало. Это пришла первая любовь.

Девушка была само изящество и хрупкость, волосы ее, пепельные под луной, отливали медовым золотом при свете шипящих газовых фонарей над крыльцом.

На плечи ей была наброшена испанская мантилья нежнейшего желтого цвета с черными разводами в виде бабочек. Из-под подола ее туго зашнурованного платья поблескивали пуговицы на ботинках.

Роджер Баттон наклонился к сыну.

— Это юная Хильдегарда Монкриф, — сообщил он, — дочь генерала Монкрифа.

Бенджамин холодно кивнул.

— Хорошенькая, — сказал он равнодушно. Но когда чернокожий юнец принял их экипаж, он добавил: — Папа, может, представите меня ей?

Они приблизились к группе, центром которой была мисс Монкриф. Возвращенная в старых традициях, она присела перед Бенджамином в глубоком реверансе. Да, он может рассчитывать на танец. Он поблагодарил ее и отошел прочь, заметно пошатываясь.

Время тянулось бесконечно медленно, пока он ждал своей очереди. Он подпирал стену, молчаливый, загадочный, и убийственным взглядом наблюдал, как молодые щеголи Балтимора увиваются вокруг Хиль-

дегарды Монкриф и лица у них горят страстным обожанием. Какими же гадкими казались они Бенджамину, какими нестерпимо румяными и цветущими! Их кудрявые шатенистые бачки вызывали в нем чувство, близкое к несварению.

Но зато когда настал его черед и они поплыли по паркету под музыку новейшего парижского вальса, вся его ревность, все его тревоги растаяли, точно снег. Слепленный, очарованный, он ощущал, что жизнь только начинается.

— Вы и ваш брат приехали следом за нами, не так ли? — спросила Хильдегарда, глядя на него ярко-бирюзовыми глазами.

Бенджамин замешкался. Если она приняла его за отцовского брата, не лучше ли сразу разубедить ее? Он вспомнил свой горький йельский опыт и решил не рисковать. Грубо возражать даме. И просто преступно омрачать такое изысканное событие гротескной историей его происхождения. Может быть, позднее. Так что он кивал, улыбался, слушал и наслаждался счастьем.

— Мне нравятся мужчины вашего возраста, — говорила ему Хильдегарда. — Все молодые люди так глупы. Хвастаются, сколько шампанского они выпили в колледже и как много денег проиграли в карты. А мужчины вашего возраста тонко понимают чувства женщины.

Бенджамин немедленно захотел сделать ей предложение — и невероятным усилием воли подавил в себе этот порыв.

— Вы сейчас в таком романтическом возрасте, — продолжала она. — Пятьдесят! В двадцать пять все слишком уж искушенные, в тридцать — бледные от изнурительного труда, сорок — возраст долгих рассказов длиной в целую сигару. Шестьдесят — ох, в шестьдесят уже недалеко и до семидесяти, но вот пятьдесят

лет — это мужчина в самом соку. Я люблю пятидесятилетних.

Пятьдесят лет показались Бенджамину роскошным возрастом. Он страстно захотел стать пятидесятилетним.

— И я всегда говорила, — продолжила Хильдегарда, — что лучше выйду за мужчину пятидесяти лет, который будет холить меня и лелеять, чем за тридцатилетнего, чтобы холить и лелеять *его*.

Весь дальнейший вечер для Бенджамина был окутан медовой дымкой. Хильдегарда одарила его еще двумя танцами, и оказалось, что они восхитительно единомысленны во всех насущных вопросах современности. Она согласилась поехать с ним кататься в ближайшее воскресенье, дабы продолжить обсуждение вышеупомянутых вопросов.

Возвращаясь в фаэтоне домой как раз перед рассветом, когда с жужжанием пробуждались первые пчелы и тающая луна тускло мерцала в каплях прохладной росы, Бенджамин вполуха слушал, как отец обсуждает с ним оптовую продажу скобяных товаров.

— ...И какой же, по-твоему, вид металлоизделий заслуживает нашего наибольшего внимания после молотков и гвоздей? — спросил Баттон-старший.

— Любовь, — рассеянно ответил Бенджамин.

— Любой? — воскликнул Роджер Баттон. — Надо же! Я как раз подумывал расширить ассортимент.

Бенджамин обратил к нему ошарашенный взгляд, и внезапно небо на востоке взрезала полоса света, и в ветвях оживших деревьев пронзительно свистнула иволга...

6

А шесть месяцев спустя, когда о помолвке мисс Хильдегарды Монкриф и мистера Бенджамина Баттона стало известно (я говорю «стало известно», по-

тому что генерал Монкриф недвусмысленно дал понять, что скорее падет на собственную саблю, нежели *объявит* об этой помолвке), все высшее общество Балтимора пришло в крайнее возбуждение. Почти забытая история рождения Бенджамина Баттона была извлечена на свет и пущена по ветру скандала в самых пикантных и изощренных формах. Дескать, Бенджамин Баттон на самом деле — отец Роджера Баттона, нет, он его брат, просидевший сорок лет в тюрьме, нет, в действительности это переодетый Джон Уилкс Бут — и, наконец, у него из головы пробивается пара небольших конусообразных рогов.

Воскресные приложения нью-йоркских газет обыгрывали новость в захватывающих карикатурах, на которых голова Бенджамина Баттона красовалась на теле рыбы, змеи и, наконец, на туловище из чистейшей латуни. В среде газетчиков он стал известен как Таинственный Мэрилендец. Однако истинная его история, как водится, не получила широкой огласки.

Впрочем, все и каждый были согласны с генералом Монкрифом в том, что просто преступно швырять прелестную девушку, которая может выйти за любого красавца Балтимора, в объятия человека, коему явно не меньше пятидесяти. Мистер Роджер Баттон опубликовал свидетельство о рождении Бенджамина во всю полосу балтиморской «Звезды». Никто ему не верил. Достаточно было просто взглянуть на Бенджамина, чтобы убедиться в обратном.

Однако все это не поколебало решимости тех двоих, кого это непосредственно касалось. Вокруг ее жениха нагородили столько лживых рассказов, что Хильдегарда решительно отказывалась верить даже правде. И вотще генерал Монкриф указывал ей на высокую смертность среди мужчин пятидесяти лет или, по крайней мере, тех, кто выглядит на пятьдесят. Напрасно

он рассказывал ей о том, как нестабилен рынок металлопродукции. Хильдегарда решила выйти за «мужчину в самом соку» и вышла...

7

В одном, по крайней мере, ошиблись доброжелатели Хильдегарды. Оптовая торговля скобяными изделиями процветала. За пятнадцать лет, прошедших с момента свадьбы Бенджамина Баттона в тысяча восемьсот восьмидесятом году, до ухода на покой его отца в тысяча восемьсот девяносто пятом, семейное состояние удвоилось — и в немалой степени благодаря младшему партнеру фирмы.

Нет нужды говорить, что Балтимор в итоге принял пару в свое благосклонное лоно. Даже старый генерал Монкриф примирился со своим зятем, когда Бенджамин дал ему денег на издание «Истории Гражданской войны» в двадцати томах, которую до этого наотрез отказались публиковать девять крупнейших издательств.

За эти пятнадцать лет Бенджамин пережил множество перемен. Казалось, кровь в его жилах заструилась с новой силой. Как радостно стало ему вставать поутру, бодро шагать по людным, залитым солнцем улицам, без усталости трудиться над доставкой молотков и отгрузкой гвоздей. А в тысяча восемьсот девяностом году он осуществил свой знаменитый бизнес-прорыв: Бенджамин выдвинул предложение считать, что «все гвозди, которыми заколачиваются ящики для перевозки гвоздей, являются собственностью отправителя груза». Одобренное верховным судьей Фоссайлом, это предложение стало законом и позволило фирме Роджера Баттона экономить более *шестисот гвоздей ежегодно*.

СОДЕРЖАНИЕ

Загадочная история Бенджамина Баттона	
<i>Перевод Е. Калявиной</i>	5
Алмазная гора. <i>Перевод В. Муравьева</i>	41
Молодой богач. <i>Перевод В. Хинкиса</i>	86
Решение. <i>Перевод М. Загота</i>	136
Волосы Вероники. <i>Перевод Л. Беспаловой</i>	155
«Самое разумное». <i>Перевод С. Белокрыницкой</i>	188
Первое мая. <i>Перевод Т. Озерской</i>	206
Ледяной дворец. <i>Перевод В. Харитонова</i>	276
Последняя красавица Юга	
<i>Перевод Татьяны Ивановой</i>	307
Вечер танцев. <i>Перевод Е. Петровой</i>	330
Опять Вавилон. <i>Перевод М. Кан</i>	350
Две вины. <i>Перевод И. Бернштейн</i>	379
Сама по себе. <i>Перевод В. Бабкова</i>	406
Хрустальная чаша. <i>Перевод А. Яврумяна</i>	431
Бурный рейс. <i>Перевод А. Кистяковского</i>	460
Пловцы. <i>Перевод М. Кореновой</i>	487
Сумасшедшее воскресенье	
<i>Перевод И. Архангельской</i>	516

Фицджеральд Ф. С.

Ф 66 Загадочная история Бенджамина Баттона : рассказы / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; пер. с англ. И. Архангельской, В. Бабкова, С. Белокриницкой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 544 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-18781-8

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, возвестивший миру о начале нового века — «века джаза», стоит особняком в современной американской классике. Плоть от плоти той легендарной эпохи, он отразил ее ярче и беспристрастнее всех. Эрнест Хемингуэй писал о нем: «Его талант был таким естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки». Его романы «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» повлияли на формирование новой мировой литературной традиции XX столетия. Однако Фицджеральд также известен как автор блестящих рассказов — и наиболее классические из них представлены в сборнике «Загадочная история Бенджамина Баттона», в том числе заглавный, экранизированный Дэвидом Финчером, с Брэдом Питтом в главной роли.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ
БЕНДЖАМИНА БАТТОНА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.11.2020. Формат издания $75 \times 100^{1/32}$.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 23,97.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AKB-27421-01-R